НАУЧНАЯ ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX в. Спб. 1898 г. изд. Л. Ѳ. Пантелѣева, стр. XI+496 (2 части въ одномъ томѣ).

Наша научная производительность характеризуется тѣми же чертами, что и вся культурно-общественная жизнь. У насъ нѣтъ или очень мало научныхъ традицій, но за то очень много quasi-научныхъ предразсудковъ и противонаучныхъ переживаній. Это невольно приходитъ въ голову, когда получаешь въ руки такую книгу, какъ обширное изслѣдованіе Туганъ-Барановскаго. Онъ работалъ вновѣ.

Единственный научный трудъ, который онъ нашелъ въ спеціальной литературѣ исторіи русской промышленности, это—книга А. Корсака „О формахъ промышленности“, вышедшая въ 1861 году. Корсакъ принадлежалъ къ поколѣнію, давшему наиболѣе даровитыхъ русскихъ „академическихъ“ экономистовъ, неоригинальныхъ, правда, но съ глубокой эрудиціей и съ серьезными научными вкусами. Онъ написалъ замѣчательную книгу. Но отъ Корсака до Туганъ-Барановскаго по обобщающей общественно-экономической исторіи русской промышленности не только ничего не было сдѣлано,—многое даже, что твердо зналъ Корсакъ, было забыто, затеряно для научнаго знанія. Настало господство либерально-фритредерскихъ фразъ и народническихъ широковѣщаній, отъ которыхъ дѣйствительное изслѣдованіе только страдало. Создались поистинѣ легендарныя концепціи экономическаго развитія Россіи, сыгравшія крупную роль въ публицистикѣ, но для науки оставшіяся безплодными и даже вредными фантазіями.

Въ особенности повредили дѣлу изученія промышленной эволюціи нашей страны тѣ писатели, которые—по какому-то странному и даже смѣхотворному въ наше время заблужденію—считали себя русскими „марксистами“. Незнакомые съ экономической и общественной исторіей Запада, они—мы имѣемъ въ виду въ особенности гг. В. В. и Н--она—безпомощно потерялись въ фактахъ русской дѣйствительности. Благодаря полному отсутствію историческихъ знаній и историческаго смысла, они приняли ростки русскаго капитализма, выросшіе на почвѣ крѣпостныхъ хозяйственныхъ отношеній и общей культурной отсталости страны и не развившіеся еще въ рѣзкія законченныя формы, за тотъ любезный ихъ сердцу призракъ, который рисовался имъ подъ громкой, но безсмысленной фирмой „народнаго производства“. Въ это широкое до полной произвольности понятіе укладывалось и первобытное натуральное земледѣліе крѣпостныхъ крестьянъ, и кустарная промышленность, представляющая настоящее товарное производство со всѣми присущими ему дѣйствительными или потенціальными противорѣчіями. Чтобы окончательно покончить съ миѳологической теоріей экономическаго развитія Россіи, по которой злой капитализмъ вытѣснилъ у насъ какое-то народное производство, мало было апріорными доводами вскрыть явную несообразность этого фантастическаго построенія. Необходимо было дать обстоятельную историческую характеристику экономическихъ формъ, въ которыхъ росла и множилась русская промышленность, начиная съ Петровской реформы.

Эту задачу и исполнилъ Туганъ-Барановскій.

Автору,—какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи,—„хотѣлось показать, какимъ образомъ первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почвѣ экономическихъ условій петровской Россіи, превратилась, въ концѣ XVIII-го вѣка, въ дворянскую фабрику, основанную на принудительномъ трудѣ; какъ эта послѣдняя отмирала въ Николаевскую эпоху и замѣщалась новѣйшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей изъ кустарной избы; какъ измѣнялся въ различныя эпохи составъ фабрикантскаго класса и слагался классъ фабричныхъ рабочихъ“. Онъ „старался обрисовать взаимныя отношенія крупной и мелкой промышленности въ крѣпостной Россіи, когда русская фабрика еще почти не знала машины, и въ наше время,—время господства машины. Признавая, что „не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ формы ихъ сознанія“,—

онъ разсматривалъ фабричное законодательство и господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя, какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ". (стр. III—IV).

До сихъ поръ общераспространеннымъ въ нашей литературѣ было мнѣніе, что наша промышленность создана и взрощена государствомъ. Непониманіе соціологической природы государства—сконцентрированной въ цѣломъ, формально самостоятельномъ, политическомъ механизмѣ общественной силы господствующаго или господствующихъ классовъ—приводило къ тому, что вполнѣ естественная роль государства въ процессѣ развитія производительныхъ силъ и классовыхъ отношеній страны представлялась искусственнымъ, постороннимъ самому общественному процессу творчествомъ, какой-то исторической случайностью, которой могло бы не быть. Экономическое развитіе послѣ-петровской Россіи изображалось, какъ искусственный, вызванный исключительно государственнымъ вмѣшательствомъ, процессъ и, въ качествѣ такового, противопоставлялось ходу экономической эволюціи западныхъ странъ. Въ былое время подобнымъ антиисторическимъ заблужденіемъ грѣшили фритредеры всѣхъ экономически отсталыхъ странъ, не знавшіе или не понимавшіе, что любезная имъ система экономической свободы и государственнаго невмѣшательства есть лишь законное порожденіе и законный наслѣдникъ меркантилизма и государственной опеки, и что такъ было вездѣ. Не только въ Англіи, но и въ Голландіи, и въ Италіи современное, или точнѣе, новѣйшее народное хозяйство оказывается исторически тѣсно связаннымъ съ новѣйшимъ государствомъ и съ опредѣленными формами его экономической политики. Вездѣ экономическое и, въ частности, промышленное развитіе шло „искусственнымъ" путемъ, вездѣ государственная политика, направленная на пользу промышленности и управляющихъ ею классовъ, оказывалось могущественнымъ рычагомъ промышленнаго развитія. Такъ же было и въ Россіи. Замѣчательна не эта естественная роль государства въ промышленномъ развитіи и не на ней слѣдовало особенно пристальнымъ взоромъ остановиться изслѣдователю. Его вниманія заслуживалъ другой факторъ процесса, и правильное чутье, или, вѣрнѣе, отчетливое пониманіе условій экономическаго развитія современнаго капитализма подсказало это Туганъ-Барановскому. Въ меркантилистическій вѣкъ европеизирующаяся Россія должна была насаждать крупную промышленность. Это было исторически

необходимо и не требуетъ особеннаго выясненія. Но какія экономическія силы приводили въ движеніе государственный механизмъ въ этомъ направленіи и утилизировали его „полезную работу“? Вопросомъ объ этихъ силахъ до сихъ поръ въ нашей литературѣ не задавались, потому что, вообще, вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи лишь недавно получилъ научную соціологическую постановку. До сихъ поръ ходъ нашего экономическаго развитія излагался примѣрно такъ: „въ началѣ былъ Петръ Великій и отъ него пошла вся наша крупная промышленность“. Туганъ-Барановскій справедливо усомнился въ научности такой формулы развитія и ему удалось показать, что „въ началѣ“ былъ не только Петръ, но еще и торговый капиталъ Московской Руси. „Въ допетровской Руси не существовало промышленнаго капитализма, но былъ вполнѣ развитъ торговый капитализмъ. Концентрація торговаго капитала, наблюдавшаяся въ допетровской Руси, была вызвана не правительственными мѣропріятіями, а естественной эволюціей торговли, преимуществами крупной торговли передъ мелкой. Этотъ-то торговый капиталъ и явился базисомъ, на которомъ основалось крупное производство въ эпоху Петра“ (стр. 8). „Лишь благодаря существованію въ тогдашней Россіи капиталистическаго класса Петръ достигъ своей цѣли—насажденія у насъ крупнаго производства. Но капиталистическій классъ былъ созданъ не Петромъ, а всей предшествовавшей эволюціей Московскаго государства“ (стр. 13—14).

Русское правительство XVIII в. насадило промышленность не въ формѣ наемно-капиталистическаго, а въ формѣ крѣпостного, принудительно-капиталистическаго производства—и ничего другого сдѣлать не могло. Однако, принудительный промышленный и, въ частности, фабричный трудъ былъ лишь кратковременной, по преимуществу технической школой для русскаго производителя. Крупная купеческая фабрика съ принудительнымъ трудомъ быстро исполнила свою миссію и пала подъ напоромъ враждебныхъ ей общественныхъ силъ. Ее побѣдилъ вольный промышленный трудъ и крѣпостная помѣщичья фабрика.

При Екатеринѣ II и промышленная политика правительства измѣнилась въ смыслѣ неблагопріятномъ промышленнымъ монополіямъ крупныхъ фабрикантовъ: „Правительственныя сферы оффиціально признали, что мелкая крестьянская промышленность заслуживаетъ большаго поощренія, чѣмъ крупная. Чѣмъ же объясняется такая измѣна традиціямъ нашей промышленной поли-

тики, направленной со временъ Петра на поддержаніе крупнаго производства? Ничѣмъ инымъ, какъ усиліемъ вліянія дворянства. Дворянскіе интересы требовали развитія крестьянскихъ промысловъ, дворянскіе наказы просили о запрещеніи фабрикантамъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ, дворянскіе депутаты отстаивали свободу крестьянскаго торга. Ученіе физіократовъ пришлось очень кстати и оказало вліяніе постольку, поскольку оно соотвѣтствовало интересамъ господствующаго класса". (стр. 40—41).

Антагонизма между „крестьянскими промыслами" и помѣщичьей фабрикой не было, наоборотъ, между ними было взаимодѣйствіе: крѣпостная помѣщичья фабрика насаждала промышленные навыки среди крестьянства. Такіе навыки распространялись помѣщиками еще другимъ путемъ: отдачей крестьянскихъ мальчиковъ въ ученики къ городскимъ ремесленникамъ, и этотъ способъ, быть можетъ, имѣлъ еще большее значеніе для развитія нашей такъ называемой кустарной промышленности, чѣмъ помѣщичья фабрика. Поэтому Туганъ-Барановскій безспорно неправъ, говоря, что „фабрика въ XVIII вѣкѣ была единственной (курсивъ мой П. С.) школой промышленнаго искусства, новыхъ пріемовъ производства техническихъ усовершенствованій" (стр. 51). Впрочемъ, самъ Туганъ-Барановскій отмѣчаетъ, что „развитію кустарныхъ промысловъ помогали и помѣщики, обучавшіе разнымъ ремесламъ своихъ крѣпостныхъ" (стр. 245) и приводитъ тому фактическіе примѣры [1]).

Городское ремесло, а въ связи съ нимъ и въ зависимости отъ него, крѣпостное ремесло—ремесло именно въ точномъ научномъ смыслѣ опредѣленной формы промышленности — также сыграло въ нашей промышленной эволюціи крупную роль въ качествѣ „школы промышленнаго искусства, новыхъ пріемовъ про-

[1]) Кстати: Туганъ-Барановскій ошибается, приписывая основаніе желѣзнаго завода въ Павловѣ графу Шереметеву и относя этотъ фактъ къ половинѣ прошлаго столѣтія. Желѣзный заводъ существовалъ въ Павловѣ еще въ первой трети XVIII-го вѣка, когда оно принадлежало не Шереметеву, а князю Черкасскому, какъ объ этомъ пишетъ Штраленбергъ въ описаніи своего путешествія: „Das Nord und Oesliche Theil von Europa" ets. (p. 351), вышедшемъ въ 1730 году: „An der Occa das Pawlowskische Werk, welches dem Knesen Czerkaski zukömmt, allwo sauber Gewehr und allerhand artige Sachen von Eisen gemacht werden, zumal die ganze Stadt fast nicht anders als aus lauter Schmieden bestehet".

изводства, техническихъ усовершенствованій". Мы имѣемъ на этотъ счетъ прямыя указанія писателей XVIII-го вѣка, которые были свидѣтелями этого явленія. Такъ, извѣстный Георги пишетъ, что русскіе помѣщики „насаждаютъ среди своихъ подданныхъ промышленныя и торговыя занятія, принося тѣмъ своимъ людямъ большую пользу и въ такомъ случаѣ пожиная богатые плоды своихъ благихъ намѣреній. Въ подобныхъ промыслахъ заключается источникъ весьма значительнаго богатства нѣкоторыхъ владѣльческихъ крестьянъ". (Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche, in den Jahren 1773 und 1774. II, S. 796. St.-Petersburg, 1775).

Еще болѣе характерно указаніе извѣстнаго англійскаго путешественника Кокса, первое изданіе книги котораго вышло въ 1784 г.: „Способъ, примѣняемый многими (русскими) землевладѣльцами къ ихъ крестьянамъ, напоминаетъ мнѣ практику древнихъ римлянъ. Мы знаемъ, что Аттикъ заставилъ многихъ изъ своихъ рабовъ научиться искусству переписки рукописей, которыя онъ продавалъ по весьма высокой цѣнѣ; такимъ образомъ, онъ составилъ себѣ значительное состояніе. На сходныхъ началахъ (on similar principles) нѣкоторые русскіе дворяне посылаютъ своихъ крѣпостныхъ въ Москву или Петербургъ, съ цѣлью обученія ихъ различнымъ ремесламъ, и потомъ или пользуются ихъ услугами въ своихъ собственныхъ хозяйствахъ, или отдаютъ ихъ въ наймы на сторону, или продаютъ ихъ по повышенной цѣнѣ, или, за извѣстную годовую плату, позволяютъ имъ заниматься своимъ ремесломъ за ихъ собственный счетъ" (William Coxe. Travels in Poland, Russia ets. 5-th edit 1802, Vol. III, p. 154). Аналогичную роль промышленной школы крѣпостное ремесло сыграло и на Западѣ, явившись въ значительной мѣрѣ преддверіемъ городского цехового ремесла. Но у насъ вслѣдствіе того, что филогенезисъ нашей промышленности, вообще, былъ скорѣе сокращеннымъ и форсированнымъ, чѣмъ замедленнымъ, крѣпостное ремесло сыграло роль преддверія не городского ремесла,—послѣднее, какъ импортированный съ Запада продуктъ, въ Россіи, наоборотъ, въ извѣстномъ смыслѣ предшествовало крѣпостному ремеслу,—а кустарной промышленности или децентрализованнаго товарнаго производства. Сходство въ ходѣ промышленной эволюціи здѣсь столь же знаменательно, какъ и различіе.

Прогрессъ промышленности, распространеніе неземледѣль-

ческихъ занятій среди крестьянскаго населенія имѣло огромное значеніе для него самого, и это значеніе Туганъ-Барановскій напрасно оставилъ безъ вниманія и разсмотрѣнія. Онъ ставитъ распространеніе вольнонаемнаго труда конца XVIII-го и начала XIX вѣка въ связь съ распространеніемъ оброчной системы, но просматриваетъ тотъ фактъ, что сама оброчная система была, главнымъ образомъ, порожденіемъ промышленнаго прогресса въ странѣ. Оброчная распространялась лишь постольку, поскольку среди крестьянскаго населенія распространялся неземледѣльческій трудъ—объ общемъ вытѣсненіи барщины оброчной системой, которое предполагаетъ въ концѣ XVIII в. и въ XIX в. Туганъ-Барановскій (стр. 85), не можетъ быть и рѣчи: наоборотъ, какъ система эксплуатаціи земледѣльческаго труда, барщина съ начала XIX-го вѣка вытѣсняетъ оброкъ. А такъ какъ оброчная система знаменовала собой смягченіе крѣпостного права и помѣщичьяго гнета, то, стало быть, распространеніе неземледѣльческой, промысловой дѣятельности среди крестьянскаго населенія означало собой частичное освобожденіе крестьянской личности. Это тѣмъ болѣе замѣчательно и знаменательно, что прогрессъ хозяйства въ другой области національнаго труда приводилъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Носителемъ экономическаго прогресса въ дореформенномъ земледѣліи было барщинное хозяйство, покоившееся на натуральной эксплуатаціи крестьянскаго труда съ цѣлью производства на рынокъ. Этому противоположному развитію двухъ различныхъ областей національнаго труда соотвѣтствовалъ и тотъ любопытный, отмѣченный и туземными, и иностранными наблюдателями, фактъ, что непредпріимчивый и косный въ сферѣ земледѣльческаго труда русскій крестьянинъ въ сферѣ неземледѣльческаго труда, въ области промышленности и торговли, оказывался предпріимчивымъ и прогрессивнымъ человѣкомъ. „Власть земли“ издавна угнетала его: только частично или всецѣло освобождаясь отъ подчиненія землѣ, русскій крестьянинъ вырабатывалъ изъ себя европейскаго „экономическаго человѣка“, всегда стремящагося къ полученію „наивысшей прибыли“—типъ, несомнѣнно воплощенный въ великороссѣ-промышленникѣ. Что русскій крестьянинъ-земледѣлецъ производилъ лишь столько, сколько нужно было для его существованія и потому не годился въ сельскохозяйственные предприниматели (арендаторы и проч.) — въ этомъ были согласны, повидимому, всѣ писавшіе о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ крѣпостного періода. Наоборотъ, русскій

крестьянинъ, какъ торговецъ и промышленникъ, возбуждалъ изумленіе даже въ англичанахъ. Для примѣра—слѣдующій любопытный отзывъ англійскаго путешественника Свинтона: „Русскій (дѣло идетъ о крестьянахъ. П. С.) при всѣхъ мѣстныхъ бѣдахъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ бездѣятеленъ исключительно въ дѣлахъ земледѣльческихъ: въ торговлѣ и промышленности онъ представляетъ изъ себя совершенно другого человѣка (in trade he is a very different person)..... Любопытно слышать двѣ характеристики русскихъ крестьянъ, даваемыя людьми, раздѣленными другъ отъ друга тысячью миль: мудрымъ философомъ, живущимъ въ своемъ кабинетѣ, и иностранцемъ купцомъ, поселившимся въ Россіи. Первый изображаетъ туземцевъ угнетаемыми цѣпями, кнутомъ и всяческимъ гнетомъ и бѣдами, и въ силу этого тупыми, глупыми и беззаботными; второй жалуется, что туземцы такъ же умны, какъ онъ самъ, и что въ коммерческихъ дѣлахъ отъ нихъ можно получить мало выгоды, а что, наоборотъ, русскіе отнюдь не имѣютъ отвращенія къ тому, чтобъ нажиться на чужой счетъ, если это только возможно“. (A. Swinton Esq. Travels into Norway Danemark and Russia in the years 1788, 1789, 1790 and 1791. London 1792, p. 451—53).

Эта различная общественная судьба русскаго земледѣлія и русской промышленности, повидимому, коренится, такъ сказать, въ различной природѣ этихъ занятій, или, точнѣе, въ тѣхъ различныхъ психологическихъ свойствахъ, которыя создаются на почвѣ земледѣльческаго труда, съ одной стороны, и промышленнаго, съ другой. Земледѣліе, наиболѣе „натуральное“ во всѣхъ отношеніяхъ производство, позже всѣхъ охватывается „стремленіемъ къ наивысшему доходу“ и подчиняется ему и, стало быть, позже всѣхъ предъявляетъ запросъ на современную индивидуальность. Пока земледѣлецъ-производитель самъ не стремится къ наивысшему доходу, онъ долженъ находиться подъ ферулой землевладѣльца, который въ формѣ земледѣльческой барщины организуетъ и ведетъ сельско-хозяйственное производство. Очень вѣроятно, что только при этомъ условіи было вообще возможно производство прибавочной цѣнности въ земледѣліи, и навѣрное, уже только эта организація производства обезпечивала наивысшій ея размѣръ. Обратный процессъ происходилъ въ промышленности. Крестьянинъ-промышленникъ, кустарь или фабричный рабочій приносилъ помѣщику гораздо большій доходъ, если онъ трудился „вольно“, по найму. Несостоятельный—съ точки зрѣнія

помѣщичьихъ интересовъ—въ земледѣліи, оброкъ съ промысловаго заработка былъ въ высшей степени раціоналенъ; онъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ принудительная организація производства, обезпечивалъ производительность труда и наивысшій размѣръ прибавочной цѣнности. „Вольный“ трудъ вытѣснялъ принудительный, оброкъ—барщину. Частичное освобожденіе крестьянской личности сопровождалось расщепленіемъ единой крестьянской массы на два класса: буржуазію и пролетаріатъ. Въ классовомъ расчлененіи фабричныхъ селъ этотъ процессъ нашелъ себѣ наиболѣе рѣзкое выраженіе.

Туганъ-Барановскій очень хорошо выяснилъ необходимость и ходъ вытѣсненія принудительнаго труда изъ промышленности, но онъ совсѣмъ не остановился на томъ соціологически знаменательномъ фактѣ, что процессъ развитія земледѣлія былъ совсѣмъ иной. Между тѣмъ, эта различная позиція свободнаго труда въ промышленности и земледѣліи дореформенной Россіи представляетъ, быть можетъ, въ исторіи нашего экономическаго развитія въ крѣпостную эпоху наиболѣе любопытную черту.

Огромный интересъ представляетъ и рѣшающее значеніе въ исторіи нашей промышленности имѣетъ появленіе на индустріальной аренѣ—крестьянской фабрики, выросшей изъ кустарной избы. „Этотъ фактъ очень важенъ, такъ какъ онъ характеризуетъ новую эпоху въ развитіи нашей крупной промышлениости. Крестьянская фабрика была органическимъ продуктомъ народной жизни и никоимъ образомъ не можетъ быть названа „искусственнымъ“ явленіемъ, подобно крупнымъ фабрикамъ прошлаго вѣка. Появленіе на промышленной аренѣ новаго типа фабрики знаменовало собой, что условія русской промышленности созрѣли уже до промышленнаго, а не только торговаго капитализма. Крѣпостная фабрика, по ходу промышленной эволюціи, отживала свое время; ея мѣсто заступала новая, капиталистическая фабрика, основанная на свободномъ договорѣ предпринимателя-капиталиста съ рабочими..... Въ XIX вѣкѣ въ крестьянской средѣ появляются крупные капиталисты-фабриканты. Правительство не имѣло никакого интереса задерживать развитіе капиталистическаго производства среди крестьянства, такъ какъ, съ одной стороны, ростъ производительности страны увеличивалъ платежную способность населенія, а съ другой—дворянскіе интересы, дававшіе тонъ всей нашей внутренней политикѣ, требовали того же. Крестьянскія фабрики почти не конкурировали съ дворянскими: въ

дворянскихъ рукахъ оставались фабрики и заводы, работавшіе преимущественно или въ значительной степени на казну, каковы фабрики солдатскихъ суконъ, солдатскаго и паруснаго полотна, писчебумажныя, горные заводы. Крестьянскія фабрики выдѣлывали почти исключительно дешевый товаръ, расходившійся въ массѣ населенія — ситцы, кумачи, платки, дешевыя шелковыя ткани, мелкія стальныя и желѣзныя издѣлія. Нерѣдко крестьянскія фабрики устраивались въ помѣщичьихъ селахъ (самыя замѣчательныя промышленныя села принадлежали дворянамъ). Какъ и въ прошломъ столѣтіи, дворянство въ александровскую и николаевскую эпоху не только не сочувствовало притязаніямъ купечества монополизировать крупную торговлю и промышленность въ свою пользу, но по собственнымъ интересамъ должно было отстаивать свободу развитія крестьянскаго промышленнаго и торговаго капитала, свободу, отъ которой оно только выигрывало“ (стр. 102—103).

Такимъ образомъ, „язва капитализма“ проникала въ самую глубь патріархально-крѣпостного строя народной жизни и разлагала его извнутри. Тутъ опять въ картинѣ, рисуемой намъ Туганъ-Барановскимъ, отсутствуетъ очень любопытная въ соціологическомъ отношеніи черта экономической дѣйствительности: борьба крестьянской буржуазіи съ дворяниномъ-помѣщикомъ за свободу, за жизненный и экономическій просторъ. Эту борьбу слѣдовало бы прослѣдить на исторіи отношеній между буржуазіей села Иванова и его владѣльцемъ графомъ Шереметьевымъ. Вещественнымъ памятникомъ этой борьбы явился Вознесенскій Посадъ, основанный ивановскими фабрикантами, которыхъ Шереметьевъ сжималъ въ своихъ тискахъ. Выкупиться у него было страшно трудно, еще труднѣе было купить землю. Между ивановской буржуазіей и Шереметьевымъ все время шла борьба за выкупъ и за землю подъ фабрики, борьба, нашедшая отчасти свой выходъ въ поселеніи на нешереметьевской землѣ, въ основаніи Вознесенскаго Посада.

Едва ли не самымъ цѣннымъ въ работѣ Туганъ-Барановскаго является чрезвычайно детальное и рельефное установленіе единства промышленной эволюціи Россіи, единства, въ основѣ котораго лежитъ взаимодѣйствіе между quasi-народной или кустарной промышленностью и quasi-искусственной или фабричной промышленностью. Обѣ эти экономическія формаціи выступаютъ передъ нами—при свѣтѣ подавляющаго своимъ обиліемъ и научно-обработаннаго фактическаго матеріала—какъ различныя ступени

въ развитіи одного и того же производственнаго, по существу своему—капиталистическаго, организма. Капиталистическая фабрика пришла не для того, чтобы „разрушить", а для того, чтобы „исполнить" то, что составляетъ самое существо кустарной промышленности — производство товаровъ на широкій и неопредѣленный рынокъ.

Туганъ-Барановскій прекрасно показалъ генетическую—и въ соціально-экономическомъ, и въ техническомъ отношеніи—зависимость кустарной промышленности отъ фабричной, онъ показалъ, что важнѣйшимъ кустарнымъ промысламъ отнюдь не присущъ самобытный, якобы народный характеръ, что они—порожденіе той же промышленной культуры, что и фабрика.

Въ отношеніи общей квалификаціи нашей кустарной промышленности онъ всецѣло примкнулъ къ той характеристикѣ ея, которую пишущій эти строки далъ въ „Критическихъ Замѣткахъ" (ср. Туганъ-Барановскій стр. 206—207 и „Критическія Замѣтки", стр. 97—101) и потомъ развилъ въ статьѣ „Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности".

Фабрика и кустарная промышленность являются не двумя глубоко враждебными въ соціально-экономическомъ отношеніи типами, — какъ представляла ихъ народническая литература, — а лишь двумя стадіями и формами въ развитіи товарнаго производства, генетически связанными, сплетающимися и переплетающимися. Въ Николаевскую эпоху „кустарь" побивалъ фабрику, его породившую. Въ наше время фабрика побиваетъ кустаря и въ то же время опирается на него, такъ какъ въ кустарной массѣ фабрика находитъ для себя готовый, выученный уже, вполнѣ податливый, такъ сказать, пластическій человѣческій матеріалъ, изъ котораго образуется армія фабричныхъ „рукъ". Какъ прежде, такъ и теперь, хотя съ противоположнымъ исходомъ, происходитъ непрерывная борьба фабрики и кустаря, но это не борьба народнаго производства съ капиталистическимъ, а лишь двухъ послѣдовательныхъ формъ капитализма. Кустарная промышленность, такимъ образомъ, вовсе не можетъ быть признана однимъ изъ „китовъ" нашей народнохозяйственной самобытности. Или, если хотите, этотъ китъ—такое же произведеніе народнической фантазіи, какъ китъ космологическій — продуктъ фантазіи народной.

Въ XIX в. крѣпостная—вотчинная и полукрѣпостная—поссессіонная фабрика отмирала. Но, отмирая, поссессіонная фабрика

являлась ареной замѣчательныхъ по своей относительной силѣ рабочихъ движеній, исторія которыхъ впервые съ такой полнотой изложена Туганъ-Барановскимъ по архивнымъ документамъ. Эта исторія лишній разъ доказываетъ, насколько формы фабричнаго быта—даже при самыхъ неблагопріятныхъ юридическихъ условіяхъ — воспитываютъ въ населеніи умѣніе и желаніе отстаивать свои интересы.

Любопытно, что во вторую четверть XIX в., т. е. въ Николаевскую эпоху, заработная плата фабричныхъ рабочихъ въ Россіи—какъ доказываетъ Туганъ-Барановскій (стр. 180—204)—повышалась. „Николаевская эпоха была временемъ сравнительно высокой рабочей платы—и это вполнѣ понятно. Съ одной стороны, быстрый ростъ фабричной промышленности создавалъ огромный спросъ на рабочія руки, съ другой—предложеніе рабочихъ рукъ уменьшалось, во-первыхъ, закрѣпощенностью населенія, а, во-вторыхъ, развитіемъ кустарной промышленности, дававшей занятіе крестьянину у себя дома и избавлявшей его отъ фабрики. Этимъ и объясняется поражавшій Гакстгаузена фактъ высокой заработной платы фабричнаго рабочаго въ крѣпостной Россіи“ (стр. 204).

Наоборотъ, во второй половинѣ столѣтія, отъ половины 50-хъ и до начала 80-хъ гг., заработная плата фабричныхъ рабочихъ центральной Россіи упала (Туганъ-Барановскій, гл. II, гл. III, стр. 402 и сл.), и Туганъ-Барановскій справедливо сопоставляетъ это явленіе съ извѣстнымъ процессомъ паденія жизненнаго уровня англійскихъ рабочихъ въ первой половинѣ XIX в. Ухудшеніе положенія трудящагося населенія въ тотъ періодъ, когда капитализмъ начинаетъ подчинять себѣ всю народную жизнь, но процессъ этого подчиненія еще не закончился, есть явленіе всеобщее: еще недавно мнѣ приходилось цыфровыми данными характеризовать его для Германіи 30 и 40-хъ гг. этого столѣтія.

„Итакъ, — спрашиваетъ Туганъ-Барановскій, — капитализмъ приводитъ къ обнищанію народной массы, къ ухудшенію положенія производителя? Дѣйствительно, опытъ всѣхъ капиталистическихъ странъ такъ же, какъ и теорія, показываетъ, что первыя стадіи развитія капиталистическаго производства сопровождаются ухудшеніемъ положенія трудящагося класса. То же происходило и у насъ. Исторія идетъ не по розамъ. Но тотъ же опытъ, равно какъ и теорія не менѣе убѣдительно говорятъ, что единственное средство улучшить положеніе рабочаго заключается въ дальнѣй-

шемъ развитіи капиталистическаго производства. Англія пережила тяжелый кризисъ въ эпоху борьбы машиннаго и ручного производства, но когда переходный періодъ кончился, и машина побѣдила въ важнѣйшихъ отрасляхъ труда, когда кустари перестали конкурировать съ фабрикой нищенской заработной платой, тогда и положеніе рабочаго класса стало улучшаться" (Стр. 481).

Авторъ далѣе задается вопросомъ: „въ какой же стадіи находится Россія, пережила ли она уже самое тяжелое въ этомъ переходномъ періодѣ или самое худшее для нея еще впереди?".

Первое представляется ТуганъБарановскому болѣе вѣроятнымъ—на основаніи сравненія заработной платы московскихъ и владимірскихъ рабочихъ за 1883 и 1896 г. по даннымъ фабричныхъ инспекторовъ. По этимъ даннымъ выходитъ, что номинальная заработная плата въ 80-хъ гг. возрасла въ среднемъ на 10—15%, между тѣмъ какъ цѣна хлѣба съ тѣхъ поръ—какъ извѣстно—упала. Впрочемъ, самъ Туганъ-Барановскій, въ виду недостаточности статистическаго матеріала, относится очень осторожно къ этому выводу, оговаривая его словомъ „повидимому".

Центръ тяжести той части работы Туганъ-Барановскаго, которая относится къ развитію нашей промышленности послѣ реформы 1861 года, заключается въ критикѣ—sit venia verbo—статистической миѳологіи гг. Н.—она и Карышева. Какъ извѣстно, первый, сопоставляя цифры рабочихъ за 1865 и 1890 гг., доказывалъ незначительность успѣховъ нашего капитализма. Оказывается, что г. Николай-онъ въ статьѣ, въ которой онъ пытался статистически уничтожить пишущаго эти строки, сравнивалъ совершенно несравнимыя величины, причемъ то слагаемое, которое цифру за 1865 г. дѣлало несравнимой съ цифрой за 1890 г., было, благодаря баснословной небрежности или таковой же неумѣлости въ статистическихъ операціяхъ почтеннаго автора „Очерковъ", увеличено на 336 тысячъ, т. е. на 70%. „Весь этотъ инцидентъ, замѣчаетъ Туганъ-Барановскій, весьма любопытенъ, какъ рѣзкій примѣръ фактической ошибки, легшей въ основаніе цѣлой теоріи и принятой чуть ли не за открытіе цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ, не говоря уже объ обывательской публикѣ". Въ противность г. Николаю—ону, Туганъ-Барановскій доказалъ, что число рабочихъ растетъ у насъ быстро, гораздо быстрѣе населенія, что въ развитіи нашей промышленности замѣчается та же цикличность или періодичность, которая свойственна міровому капитализму вообще, и что передъ этими періодическими колебаніями чисто капитали-

стическаго свойства совершенно стушевываются колебанія промышленности, зависящія отъ урожаевъ.

Глава II части 2-й, „Новѣйшее фабричное законодательство" представляетъ первый замѣчательный опытъ соціологической исторіи нашего фабричнаго законодательства. Съ этой точки зрѣнія исторія русскаго фабричнаго законодательства въ нашей литературѣ еще не разсматривалась. Въ очеркѣ Туганъ-Барановскаго много невольныхъ умолчаній, въ особенности о новѣйшихъ явленіяхъ, и тѣмъ, кто желалъ бы съ той же точки зрѣнія болѣе обстоятельно познакомиться съ генезисомъ и характеромъ закона 3-го іюня 1897 г., можно указать статью анонимнаго автора объ этомъ законѣ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала д-ра Г. Брауна „Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik,—она во многомъ дополняетъ и подтверждаетъ изложеніе Туганъ-Барановскаго.

Передъ читателемъ по прочтеніи книги Туганъ-Барановскаго встаетъ яркая картина нашего промышленнаго развитія. Въ началѣ взаимодѣйствіе интересовъ торгово-капиталистическаго класса и нуждъ европеизируемаго государства создаетъ крупную промышленность, основанную на принудительномъ трудѣ и монополіяхъ. Эта фабрика служитъ школой промышленнаго искусства, но затѣмъ оттѣсняется на задній планъ мелкой промышленностью, которою опять таки завладѣваетъ тотъ же торговый капиталъ. Постепенно это новое, технически-мелкое, экономически-крупное, т. е. массовое производство порождаетъ изъ своихъ нѣдръ технически крупное производство, опирающееся на новѣйшую машинную технику и ею побивающее раздробленную кустарную промышленность. Въ основѣ соціально-экономическаго процесса лежитъ, такимъ образомъ, дѣйствительно то развитіе производительныхъ силъ и прежде всего техники sensu stricto, которое постулируется теоріей. Въ то же время анализъ соціально-экономическихъ отношеній показываетъ, что техника, хотя и могущественно вліяетъ на нихъ, но отнюдь не представляетъ единственнаго момента, ихъ опредѣляющаго. И отсталая, раздробленная техника и прогрессивная техника, приводящая къ концентраціи производства и ее знаменующая, одинаково стоятъ подъ началомъ у капитала, такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ душой общественно-производительной дѣятельности является—производство товаровъ на широкій и неопредѣленный рынокъ. „Условія сбыта управляютъ производствомъ". На основѣ развитія

опредѣленныхъ формъ производства развиваются и другъ друга смѣняютъ въ управленіи производствомъ различные общественные классы. Сверху—крупный торгово-капиталистическій классъ, на который завистливымъ окомъ смотритъ помѣстное дворянство, смѣняется въ руководительствѣ промышленностью мелкой и средней крестьянской буржуазіей, и она то вмѣстѣ со старымъ купечествомъ создаетъ новѣйшую русскую торгово-промышленную буржуазію. Снизу — мы видимъ сперва крестьянъ и вольныхъ людей, прикрѣпленныхъ велѣніемъ государства къ фабричному труду, затѣмъ вольнонаемныхъ рабочихъ и кустарей изъ оброчныхъ крестьянъ, и затѣмъ уже изъ этой, еще на половину связанной съ землей, массы постепенно, но неудержимо, съ необходимостью и непререкаемостью естественно-историческаго процесса, развивается настоящій фабричный пролетаріатъ. Только ему удается добиться настоящаго фабричнаго законодательства, котораго до 80-хъ годовъ нашего столѣтія не существовало и которое появилось разомъ менѣе чѣмъ въ десятилѣтіе, лишь только окончательно сформировался особый классъ фабричныхъ рабочихъ.

Воспитанный на народническихъ представленіяхъ читатель, навѣрное, съ изумленіемъ спрашиваетъ себя и автора: а гдѣ же народное производство, гдѣ тѣ устои народнаго хозяйственнаго быта, о которыхъ я такъ много слышалъ? Увы, они существуютъ лишь въ миѳологіи русской промышленности, а не въ ея исторіи и дѣйствительности. Въ дѣйствительности же была и есть единая, непрерывно развивающаяся капиталистическая промышленная культура. А до нея была—съ одной стороны, лишь промышленная некультурность, съ другой—крѣпостное хозяйство и крѣпостное право. Крѣпостному хозяйству несомнѣнно принадлежитъ извѣстная немаловажная роль въ исторіи русской промышленности. Такимъ образомъ, еще разъ подтверждается то, высказанное пишущимъ эти строки въ «Критическихъ Замѣткахъ», положеніе, что понятію и слову „народное производство“ въ русской экономической исторіи и дѣйствительности соотвѣтствуетъ лишь одна, правда, очень внушительная реальность: крѣпостной хозяйственный строй и его многообразныя переживанія и отростки. Это обнаруживается и въ поразительномъ сходствѣ идеологіи крѣпостной и народнической: реальный объектъ обѣихъ идеологій тождественъ Въ гл. VII, 1 ч. и гл. V 2-ой части, посвященныхъ отношенію общества и литературы къ

фабрикѣ въ разныя эпохи, Туганъ-Барановскій даетъ достаточный матеріалъ для характеристики этого любопытнаго сходства двухъ идеологій, реакціонной и «радикальной», въ основѣ которыхъ одинаково лежала идеализація отживающихъ или обреченныхъ на отживаніе формъ хозяйственной и общественной жизни, идеализація самостоятельнаго и недифференцированнаго крестьянства, его натуральнаго хозяйства, его связи съ землей и кустарной промышленности, поскольку послѣдняя выражала собой частичное прикрѣпленіе рабочаго къ землѣ. Эта единая объективная подкладка соединяетъ крѣпостнически-либеральный «Духъ Журналовъ» первой четверти нашего столѣтія, барона Гакстгаузена, графа Канкрина и другихъ консерваторовъ съ Чернышевскимъ и съ «Отечественными Записками» въ лицѣ Елисѣева и г. Михайловскаго. Это не значитъ, чтобы г. Михайловскій былъ реакціонеромъ не только сознательнымъ, но и безсознательнымъ. Это значитъ только, что въ основѣ крѣпостной и „радикальной“ идеологіи лежалъ одинъ и тотъ же экономическій укладъ, идеализируемый съ разныхъ и даже враждебныхъ точекъ зрѣнія, точно такъ же, какъ капиталистическій укладъ тоже „идеализируется“ въ извѣстномъ смыслѣ съ двухъ враждебныхъ точекъ зрѣнія: съ буржуазной и пролетарской. Вѣдь несомнѣнно, что и пролетарская идеологія идеализируетъ опредѣленныя дѣйствующія въ капиталистическомъ строѣ общественныя силы, ибо *всякая* неутопическая идеологія *должна* сознательно или безсознательно идеализировать какія-нибудь реальныя силы даннаго общества, т. е. всякая такая идеологія должна представлять себѣ эти силы призванными осуществить ея идеалъ. Съ другой стороны, этотъ идеалъ носитъ на себѣ такъ или иначе реальныя черты того класса, который является или мыслится его историческимъ выразителемъ.

Книга Туганъ-Барановскаго—ученая диссертація, написанная по первоисточникамъ, въ значительной мѣрѣ не напечатаннымъ. Но этотъ тяжеловѣсный и обширный матеріалъ переработанъ такъ умѣло и изложенъ такъ живо, что большой томъ, въ 500 стр., читается съ удивительной легкостью. Видно, что Туганъ-Барановскій писалъ не только для полученія ученой степени. Быть можетъ, именно поэтому его трудъ отличается такими крупными достоинствами: полной самостоятельностью мысли, множествомъ новыхъ фактовъ, изящнымъ изложеніемъ. Это, дѣйствительно, научная соціологическая исторія русской фабричной промышлен-

ности, долженствующая лечь въ основу всѣхъ послѣдующихъ работъ на ту же тему.

Главный недостатокъ книги Туганъ-Барановскаго—отсутствіе широкаго сравнительно-историческаго фона въ двоякомъ смыслѣ. Во 1-хъ, авторъ не привлекъ для сравненія данныхъ экономической исторіи Запада и потому не выяснилъ ни степени тождества процесса хозяйственнаго развитія Россіи и разныхъ западныхъ странъ, съ одной стороны, ни размѣровъ своеобразія нашей промышленной исторіи, съ другой стороны. Во 2-хъ, авторъ не далъ и картины процесса хозяйственнаго развитія Россіи въ его цѣломъ. Такъ, мы уже видѣли, судьбы земледѣмія и, въ значительной мѣрѣ, взаимоотношеніе между земледѣліемъ и промышленностью оставлены имъ безъ разсмотрѣнія. Въ связи съ отсутствіемъ широкаго сравнительно-историческаго фона стоитъ другая слабая сторона его труда. Иногда прямо досадно на автора, что онъ нѣкоторыя картины оставляетъ недорисованными, въ нѣкоторыхъ обобщеніяхъ останавливается на полпути. Чувствуется недостатокъ, я бы сказалъ, философскаго размаха и художественной законченности. Это тѣмъ болѣе жаль, что видно, какъ легко дался Туганъ-Барановскому его огромный трудъ.